

КУЛЬТУРА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

В статье рассмотрен социокультурный аспект романа «Кысь» Т. Толстой, показавшей, насколько отброшенной назад оказалась Россия в постсоветские 1990-е годы, сосредоточившись на такой причине «катастрофы», как многолетняя борьба с культурой и «дремучесть» населения. Писательница обновляет традиции М. Салтыкова-Щедрина, А. Зиновьева, Р. Брэдбери, обращаясь к реалиям современности и высмеивая дурь как «верхов», так и «низов», и создавая постмодернистскую антиутопию, основанную на ретротравестии, пародировании, гротеске, комическом абсурде. Важнейшая ценность, без которой духовнонравственное возрождение российского общества не произойдет, отстаиваемая Т. Толстой, – культура.

Ключевые слова: антиутопия, фантастика, ретротравестия, «старорусский» стиль, гротескный образ Федор-Кузьмичска, комический абсурд, зло в маске добра, пародирование новых клише, культура.

Большую тревогу русских писателей конца XX – начала XXI вв. вызывает состояние культуры, ибо доминирует на современном этапе опрIMITИВИЗИРОВАННАЯ массовая культура, формирующая малоразвитых, стандартных, дезориентированных людей.

Существует точка зрения, что в своих истоках понятие «культура» восходит к выражению «культ Ура». Ур в древнеиндийской философии – Бог Света. Значит, в самом широком смысле слова культура – это совокупность достижений человечества, пронизанных культом света: просветляющее и облагораживающее начало жизни, способствующее совершенствованию людей. Культура передает из поколения в поколение духовные ценности, рассматриваемые как благоприятные для развития личности и организации социальной сферы жизни. Они «выступают в форме идей добра и зла, справедливости и несправедливости, прекрасного и безобразного и т. д.» [1, с. 87]. Благоприятными для человека ценностями ориентирами признаны свобода, справедливость, гуманность, милосердие, благородство, любовь, дружба, красота и др.

В постмодернистском ключе проблему значимости культуры в жизни социума рассматривает Т. Толстая в романе «Кысь» (2000). Вытеснение из жизни культуры, гонения на нее, утрата культурной традиции приравниваются к катастрофе, соотносимой с последствиями Третьей мировой войны. Писательница создает антиутопию, описывающую существование выживших после Взрыва и глобального разрушения цивилизации как деградацию и возвращение в раннее Средневековье. Но Третья мировая война, сокрушившая вместе с человеческой цивилизацией и

культуру, у Т. Толстой – лишь фантастическая условность, позволяющая зримо показать степень отката назад общества, лишившегося культурного наследия, культурной памяти, культурного творчества. Поэтому послевоенная и послекультурная жизнь персонажей представлена с использованием не трагических, а сатирических красок, включая ретротравестию, гротеск, комический абсурд. Метафорическим обозначением случившегося с людьми и искаленной ими природой служит в романе понятие «мутация». Традиционно под мутацией (от *лат.* *mutation* – изменение, перемена) понимают внезапное появление нового признака у животного или растения. Т. Толстая же распространяет это явление и на людей, причем данные признаки – уродливо-атавистические, смешные, сближающие людей с животными или фантастическими чудовищами. В романе не только черные зайцы перепархивают с верхушки на верхушку деревьев, а шишки на клелях (елях) с человеческую голову, да и сладкие огнецы, светящиеся во тьме на них растут, но и люди награждены всевозможными изъянами: «У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает, что никаких Последствий нет, разве к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода расти учнет до самых колен. Или на коленях ноздри вскочат» [3, с. 18]. Формально это объясняется воздействием радиоактивного облучения. Но поскольку перед нами антиутопия иносказательного характера, наподобие антисказки-небылицы, воссоздаваемое визуализирует изуродованность человеческих душ, каковых не коснулась культура, зато несущих отпечаток домостроевско-тоталитарных порядков и антикультурных веяний.

«Кысь» отражает воздействие «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина и «Зияющих высот» А. Зиновьева, у которых гротескные образы города Глупова и города Ибанска метонимически представляют – соответственно – самодержавную Россию и Советский Союз. Но традиции предшественников писательница обновляет, обращаясь к реалиям современности, дабы осмеять негатив уже нового времени, и город Федор-Кузьмичск (далее переименованный в Кудеяр-Кудеярычск) олицетворяет в романе постсоветскую Россию 1990-х. Ни из чего не видно, что после распада СССР жизнь изменилась к лучшему, напротив, и признаков цивилизации не наблюдается – просто один тип оболванивания людей сменился другим; царит какая-то идиотическая дурь, чему служит в романе «сгущение красок». Настоящее изображается как давно минувшее, допотопное прошлое, и это «застревание в прошлом», «дремучесть» персонажей, «пошехонскость» нравов, подчеркивает имитация «старорусского» стиля, в котором перемешаны речевая архаика, переделки фольклора, просторечье, неграмотные обороты, полуйскаженные слова, узнаваемые советские клише, бранная лексика. Повествование от лица

одного из «мутантов» – Бенедикта Карпова делает избранный стиль оправданным, хотя и комичным, пусть сам персонаж этого не осознает. В подтексте проступает скрытая авторская ирония, распространяющаяся на весь роман, периодически вырываясь наружу, трансформируясь в гротеск и сарказм.

Город Федор-Кузьмичск (бывшая Москва) напоминает у Т. Толстой захудалую деревню с нищими избами, полупровалившимися плетнями, допотопными нравами обитателей. К тому же при его изображении используется принцип «мир как текст», предполагающий соотнесение воссоздаваемого с культурным интертекстом. Последний представлен цитатами из Библии, Данте, У. Шекспира, Ф. Шиллера, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, русских сказок, песен, поговорок, потешек, произведений Г. Державина, Д. Фонвизина, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Ф. Достоевского, А. Фета, Ф. Тютчева, Н. Кольцова, Л. Толстого, В. Соловьева, А. Апухтина, И. Анненского, К. Бальмонта, А. Блока, М. Волошина, С. Есенина, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Платонова, А.Н. Толстого, Н. Крандиевской-Толстой, Б. Окуджавы и др. Если даже что-то из этого попадает в сферу внимания «голубчиков» (того же Бенедикта, служащего переписчиком в Рабочей Избе), остается не понятым, трактуется примитивно, искаженно, вызывает смех. Прием «заостренного оглупления» персонажей-«мутантов» в романе – один из основных. Он призван подчеркнуть неразвитость, невежество, малокультурность жителей Федор-Кузьмичска. – немаловажную причину социальной «пошехонщины», отсутствия свободы, подлинного гуманизма. Немногочисленными хранителями культуры являются у Т. Толстой т. наз. Прежние – бывшие интеллигенты, выжившие после Взрыва, почему-то нестареющие и доживающие до 300 лет. К ним относятся как к полоумным, произносимых ими слов часто не понимают, безбожно перевирают: «ЭНТЕЛЕГЕНЦЫЯ», «ШАДЕВРЫ», «МОЗЕЙ», «МЕТ», «МОГОЗИНЫ», «АРУЖИЕ», «ОСФАЛЬТ», «ОНЕВЕРСТЕЦКОЕ АБРАЗОВАНИЕ», «ФЕЛОСОФИЯ», «ИЛИМЕНТАРНЫЕ ОСНОВЫ МАРАЛИ», «не ВРАСТЕНИК», «ТРОДИЦЫЯ», «РИНИСАНС». Речь же самих «мутантов» – просторечно-малограмотная («пинзин», «тубаретка», «секлетарь», «проконпасируют», «канпот», «каклеты», «впуклое», «супризы», «канплимент», «сужет», «волоса», «проздравить», «обчество», «диалехтика» и т. д., да и мат в ней присутствует). «Потенциал» Бенедикт произносит как «пуденциал» и полагает, что это обозначение полового члена. Точно так же он расшифровывает слово «писдолет» (ибо что такое «пистолет» не знает). У него есть некоторый интерес к сказкам и стихам, поскольку Карпов в Рабочей Избе аккуратно, для продажи, переписывает сочиненное, как считается Федором Кузьмичем, Набольшим Мурзой. Тот же, желая набить

себе цену, действует как плагиатор: скачивает текст за текстом из спецхрановских книг, для других запрещенных. Более того, владельцев старопечатных книг здесь, как и в романе Р. Брэдбери «450° по Фаренгейту», преследуют. Параллельно распространяется массовая культура на берестяных грамотах, безопасная для власти.

Когда же в руки Карпова попадает для переписки что-то действительно ценное, он воспринимает прочитанное превратно, в соответствии со своим низким интеллектуальным уровнем – буквализируя метафоры. В этих случаях Т. Толстая использует травестию – прием комедийного снижения высокого. Так, Бенедикт называет песню «Миллион алых роз» – «Миллион алых розг» (что такое «розы», он не знает, а что такое «розги» знает). А вот как интерпретирует Бенедикт строки стихотворения И. Анненского «Среди миров»:

Среди миров, в мерцании светил Одной
Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света
[1, с. 388], –

лучше загасить свет у женщины, к который пришел «побарахтаться» в постели, «побаловаться», – зачем зря свечку жечь. Впрочем, Бенедикт признается: «На то и стихи, чтоб ни бельмесу не понимать» [3, с. 64]. Что уже говорить о философии, а пришлось ему как-то то перебелять А. Шопенгауэра. Конечно, считается, что это изволил «Федор Кузьмич, слава ему, сочинить шопенгауэр, а это вроде рассказ, только ни хрена не разберешь. <...> Константин Леонтьич хвастал, что все понял, – ну, это он всегда хвастает: все смеялись. <...> А называлось: мир как воля и представление; хорошее название, зазывное. Всегда ведь чего-нибудь в голове представляется, особенно когда спать ложишься; зипун под себя подоткнешь, чтоб не дуло, голову тряпьем укроешь... И представляешь» [3, с. 97].

Представляет же герой Т. Толстой то нравящуюся ему Оленьку Кудярову, то будто кошелек с бляшками (деньгами) на улице нашел, то пошел будто бы туда, куда никто не ходил. Так незаметно и уснет. Концептуально-философское наполнение используемых понятий заменяется фантазиями, привязанными к прагматике дня. Оценка книги А. Шопенгауэра

у Бенедикта, скорее, отрицательная: «если по правде, то нудьга такая, что не приведи Господи» [3, с. 98].

Узнав же, что на Муркиной Горе на месте бывшего МОЗЕЯ под землей погребены ШАДЕВРЫ и среди них «мужик каменный, агромадный и сам ДАВИД», персонаж комментирует: «А у нас тут есть кому нас давить, лишний-то нам без надобности...» [3, с. 44]. Мирового значения древнегреческой классики Бенедикт не осознает, скульптуры, поэтизирующие красоту человеческого тела, расценивает как срамные, социуму не нужные.

Точно так же, как от античной традиции, далек Бенедикт Т. Толстой и от христианской – кто такие ангелы и ангелочки, увиденные на картине, понятия не имеет, рассуждает так: «...целая толпа голубчиков, и ребятенки малые с ними, а только все голые, только тряпки цветные на них накручены, и будто летят куда вверх, а цветов да венков набрали, – ужаси. А должно, на прополку всем семейством ходили, а лихие люди их ограбимши, зипуны-то посрываюмши» [3, с. 229]. Все трактует персонаж в приземленно-опрIMITивизированном ключе, накладывая на полотно реалии федоркузьмичской жизни. Характерно, что ценности цветов он тоже не ощущает, полагая – это сорняк, каковой после прополки выбрасывают.

В своем невежестве и бескультуре Бенедикт не слишком отличается от остальных. Вот Набольший Мурза говорит переписчикам в Рабочей Избе:

«– Картину я хочу такую нарисовать: “Не ждали”, ага» [3, с. 75].

Оленька Кудеярова спрашивает:

«– А картины – это что?» [3, с. 77].

Варвара же Лукинишна интересуется:

«– ...У вас в стихах все настойчивее превалирует образ коня...

Поясните, пожалуйста, “конь” – это что?..

–Чой-то? – переспросил Федор Кузьмич.

–Конь...

Федор Кузьмич улыбнулся и головой покачал.

–Сами, значит, не можем... Не справляемся, ага... Ну-ка? Кто догадливый?

–Мышь, – хрипло вышло у Бенедикта...

–Вот, голубушка. Видите? Вот голубчик справился.

–Ну а “крылатый конь”? – волнуется Варвара Лукинишна.

Федор Кузьмич нахмурился и руками пошевелил.

–Летучая мышь» [3, с. 79].

Мыши в изображаемом социуме – основной продукт питания, а сшитые их шкурки используют для одежды. Ими переполнены подполы домов, постоянно шныряют они и по комнатам. От описаний мышиных супов и салатов тошнит, но для жителей Федор-Кузьмичска все это привычное и

нормальное, и знакомым, хорошо известным они подменяют незнакомое. Попутно выясняется, что не меньший невежда сам Набольший Мурза, каковой присваивает себе чужие достижения, не понимая, о чем в них идет речь; тем не менее официально он превозносится как великий человек, который чуть ли не дал огонь людям. В абсурдизирующей форме Т. Толстая высмеивает безмерное захваливание первого лица страны, каковому приписываются немислимые заслуги и добродетели.

Несоответствие дифирамбов и реальности оттеняет изображение Федора Кузьмича в виде карлика размером с табуретку.

Сама же сцена в Рабочей Избе – пародия на встречи Хрущева с интеллигенцией в 1962–63 гг.: малообразованный генсек поучал творческую интеллигенцию что и как писать, какие картины и скульптуры создавать. Как глупость и дикость подаются подобные порядки в «Кыси». Набольший Мурза, подобно Хрущеву, считает, что руководствуется «благом народа», но в силу своей малокультурности и идеологической зашоренности понимает «благо» уродливо – как подчинение всем глупостям власти (она же лучше знает, что делать) и покорное исполнение людьми верховных предначертаний.¹ К каким комическим ситуациям это приводит, видно из буквалистского следования тексту Указа о Женском дне – 8 марта, где разъясняется:

«× Этот праздник не выходной.

× Значит на работу выходит, но работать спустя рукава. <...>

× В этот день всем бабам почет и уважение как есть они Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая всех уважать.

× В этот Праздник их не бить не колошматить ничего такого обычного» [3, с. 129].

Всех подряд переписчиц в Рабочей Избе мужчины, будто пристукнутые, и поздравляют бессмысленно заученными словами:

«– Желаю вам Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая счастья в жизни успехов в работе мирного неба над головой» [3, с. 136], – хотя ни одна из них не является кому-то из поздравляющих ни Женой, ни Матерью, ни Бабушкой, ни Племянницей, а Оленька Кудеярова даже, засмеявшись, говорит:

«– Какая же я вам жена?..

– Так в Указе...» [3, с. 137].

Пустоголово-невежественные персонажи превращают дурацкий текст поздравления в окончательный комический абсурд; личной же склонности

¹ В дальнейшем образ Федора Кузьмича вберет в себя и черты Горбачева (манера говорить какового в некоторых местах передразнивается); в общем это тип сравнительно «либерального правителя».

сказать какие-то добрые слова женщинам не испытывают – просто исполняют Указ, к тому же опасаясь в нем что-то менять и проявлять «своеволие», так как власти и возможного наказания боятся.

И многие другие поступки и высказывания персонажей «Кыси» демонстрируют прежде всего дурь в сочетании с оглядкой на карательные органы. Подобострастное отношение к власти, перед которой холопски заискивают, и одновременно страх перед ней укоренены в изображаемых простофилях-придурках. Занимающим высокое положение завидуют; те же непрочь покочевряжиться над нижестоящими и проявляют при этом собственную дурь. Да и «супризы» «государственным людям» остаются от

обратившихся к ним с какими-то проблемами. Взятничество в Федор-Кузьмичске в порядке вещей; «голубчики» мыслят: кто бы не воспользовался занимаемым положением?

Организация общества у Т. Толстой – тоталитарного типа, правда, это уже отчасти «расслабившийся» тоталитаризм: заподозренных в нелояльности не сразу убивают, как «при Сергее Сергееиче» (намек на Сталина), а – лечат (намек на карательную медицину с непредсказуемыми последствиями, характерную для брежневских времен). «Все ж таки у нас неолит, а не какое-нибудь дикое общество» [3, с. 166], – говорит один из персонажей. Есть и поминающие добрым словом «Сергея Сергееича», когда «порядок был», хотя царил произвол, повседневностью стали репрессии. Приводится такое соображение Бенедикта по поводу МОГОЗИНОВ в прошлом, каковые целый день открыты были: «Что-то не верится. Ведь это ж каждый забеги и хватай? Это ж сторожей не напасешься? Нас ведь только пусти: все разнесем до щепочки. А сколько народищу передадим? Ведь и в Склад идешь – глазами по сторонам зыркаешь: кому что дали, да сколько, да почему не мне?» [3, с. 16]. Тут проакцентированы и вечная нехватка всего, и готовность пограбить общее добро, и непривычка к самообузданию, стихийная деструктивность. Даже праздники не обходятся без пьяных драк и увечий – чем занять себя в свободное время из-за отсутствия культурных запросов не знают. Силушка есть, но тратят ее люди часто на какую-то ерунду, ту же дурь. Запомнилось Бенедикту, как его покойная матушка (принадлежавшая к Прежним) спрашивала у расхваставшегося старика:

«– А конкретную пользу вы из своей силы извлекали? Что-нибудь общественно-полезное для коммуны сделали? – так тот даже обиделся, ответив:

– Я, голубушка, в молодые-то годы мог на одной ноге отсюда вон до того пригорка допрыгать! А не пользу. Я, говорю тебе, бывало, как гаркну – солома с крыш валится. У нас все в роду такие. Богатыри» [3, с. 14].

В подобных эпизодах проступает душевно-духовная незрелость федоркузьмичцев, до старости остающихся неразумными детьми. Нечто

инфантильное есть и в их дурацких забавах, наподобие прыганья в темноте с печи: «интересно», на кого свалится? или нос расшибет? Смеются часто и с удовольствием, но по глупейшим поводам. Например, если девушка, впереди тропинки идущая, вдруг голую попу заднему покажет. Видевшие это умирают от хохота. А спроси у них: «“Что смешного-то?!” – дак и не скажут. Не знают» [3, с. 35]. А прибегают к оскорблению потому, что уважения к друг другу не испытывают и хотят хоть немного да возвыситься над кем-то: «чтоб помнил ты свое место: ниже нижнего – и не высывался. Ежели кто над тобой посмеялся – он словно как бы власть свою показал, а ты, брат, словно в ямку скатился» [3, с. 36].

Обижается Бенедикт только, когда идиотские забавы направлены против него самого, а в остальном незамысловатые глупости горожан одобряет и сам принимает в них участие – веселится.

Присуще речи персонажа большое количество словопотреблений грубого и оскорбительного характера, используемых применительно к своим же горожанам: «разворотят тебе мордавасию», «рыло неудобосмотримое на морде висело», «мордovorot как бы на сторону съехамши», «скотина перекурил да сплюнул наземь», «закрой пасть», «мусорная гнида, во нючее животное», «чучело четвероногое», «рыло носить надоело?» и др. Сюда же примыкают переделанные под местные реалии пословицы, поговорки, присказки: «в три дня, как говорится, не обгадишь»; «Сосед человеку даден, чтоб сердце ему тяжелить, разум мутить, нрав распалять», «А хрен вам в жопу заместо укропу!» и т. п.

Из-за неразвитости разделяют федоркузьмищцы всевозможные предрассудки и суеверия: верят и в лешего, и в русалок, и в прочую нечисть, но особенно боятся незримую сверхъестественную Кысь, живущую будто бы в лесной чаще, избирающую себе жертву, рано или поздно настигающую ее и разрывающую главную жизненную жилу. Слово «Кысь» рифмуется со словом «рысь», только это существо невидимое и потому еще больше пугающее, хотя – в большей степени воображаемое. Олицетворяет оно хищную, злобную силу, несущую человеку смерть. А поскольку Кысь предстает в романе как явление природы, присутствует оно и в человеке как ее порождении – в качестве негативной ипостаси архетипа; но, поскольку он имеет и позитивную сторону, может до поры пребывать в «дремлющем» состоянии. Если человек ощущает себя беззащитным перед внешним миром и ждет от него каких-то бед, в нем пробуждается иррациональный страх перед символизируемым Кысью. Также у постоянно погруженного в повседневные практические жизненные заботы и ни о чем другом не задумывающегося может появиться свободное время, каковое он не знает, на что потратить, и тогда могут появиться мысли о собственной смерти, которая ждет впереди, а с ними и попытки размышлений о смысле жизни; если устраивающих его ответов человек не находит, он переживает угнетенное состояние, впадает в

хандру, его пронизывает какой-то необъяснимый страх. Нечто подобное испытывает Бенедикт в моменты смуты, тоски, когда непонятно, чем себя занять и в чем искать спасения, на что можно в этой жизни опереться. Религия в жизни Федоркузьмичцев еще не зародилась, до философии им далеко, и каждый справляется со страхом перед необъяснимым, потенциально чем-то угрожающим, как может: чаще напиваясь вусмерть либо используя что-то среднее между табаком и наркотиком, растущем на гнилом болоте.

И тем не менее Бенедикт среди других считается более развитым, подающим надежды, ведь он умеет читать и писать, знакомится с текстами переписываемых книг, хотя мало что в них понимает. Вот почему старый друг покойной матери Бенедикта, Преждерожденный Никита Иваныч, Главный Истопник, хотя и называет Бенедикта раззявой, невеждой, духовным неандертальцем и депрессивным кроманьоном, все же пытается на него воздействовать, привить какие-то культурные навыки и привлекает к созданию памятника Пушкина, который собирается поставить на Страстном бульваре. Это – составная часть его программы национальнокультурного возрождения, согласно которой нужно «сберечь духовное наследие» и на нем воспитывать население Федор-Кузьмичска. Воспринимают же Никиту Иваныча как неменяемого: «Несет Бог знает что, сам небось половину слов не понимает». Бенедикту имя Пушкина поначалу тоже ничего не говорит:

«– Кто это Пушкин? Местный?

–Гений. Умер. Давно.

–Объемшись чего?

–О Господи, твоя воля!.. Прости, Господи, но что ж ты за дубина великовозрастная!.. митрофанушка, недоросль, а еще Полины Михайловны сын!» [3, с. 161].

Старик внушает Бенедикту, что Пушкин – наше все: «и звездное небо, и закон в груди» [3, с. 195]; побуждает благоговеть перед его гением. И хотя памятник получился карикатурный («Пощечина общественному вкусу», по определению приятеля Никиты Иваныча, бывшего диссидента Льва Львовича), все же его воздвигают (правда, не на площади, занятой теперь огородом, хозяин которого против, а – на противоположной стороне, в щели между заборами), дабы пробудить и сохранить культурную память. Своей цели Никита Иваныч, однако, не добивается: по памятнику лазают малые ребята, а взрослые зацепили за шею поэта веревку, соединенную с забором, и сушат на ней белье; народная тропа к Пушкину зимой заметена снегом, летом на ней прорастает укроп.

Между тем после женитьбы на Оленьке Кудеяровой жизнь Бенедикта резко меняется, ибо он попадает в семью Главного Санитара ФедорКузьмичска Кудеяра Кудеярыча. Орган, которым тот руководит,

аналогичен у Т. Толстой КГБ и выполняет репрессивные функции: занимается арестами признанных «больными» и нуждающимися в «лечении», причем в одном из разговоров тесть проясняет, что «болезнь» у людей в головах. В частности, выявляются и конфискуются хранящиеся старопечатные книги, играющие в романе Т. Толстой роль запрещенных книг (с каковыми в годы советской власти велась активная борьба и за одно только хранение которых человек мог получить срок). В описании писательницы деятельность санитаров вызывает ассоциацию с разнузданной опричниной. При всем том Кудеяр Кудеярыч преподносит ее как дело государственной важности, внушает: «К светлой жизни народ должен прийти али нет? Брату подмочь надо? Надо! Не спорь. Задача у нас, мил человек, благороднейшая, а народ отсталый, недопонимает. Страхи глупые, сплетни распускает. Дикость!» [3, с. 226]. Это чистая демагогия, дабы склонить колеблющегося зятя к работе в тайной полиции, осуществляющей контроль за обществом и расправляющейся с думающими людьми. Дальняя цель Кудеяра Кудеярыча – получить всю полноту власти. Главный Санитар у Т. Толстой – мутант: человек со звериными когтями на ногах, а зверю нужна «пища», нужна кровь: такова его природа. При этом материально обеспечен Кудеяр Кудеярыч покоролевски. И Бенедикт здесь, как сыр в масле, катается: с утра до вечера объедается и наслаждается сексом с Оленькой. Но в какой-то момент наступает пресыщение. Он скучает, сам не может понять чего, – но чего-то ему не хватает. Заметив это, чтобы сильнее привязать к себе, Кудеяр Кудеярыч разрешает пользоваться библиотекой, составленной из изъятых книг, сообщив, что «спасал искусство», ибо и хранят запрещенные книги черт знает в каких местах, и пачкают, и страницы вырывают, в общем – варвары; он же – хранитель культуры. Это была долгоиграющая тактика, призванная зацепить зятя за живое. И Бенедикт с головой уходит в книги, почти не замечая окружающего, пусть по-прежнему не все понимая. Чтобы легче было отыскивать необходимое, он рассортировывает книги посвоему и для просвещенного человека – наивно-забавно: не по отраслям знания, а, скажем, – по наличию в названии общего слова («Дети Арбата», «Дети Ванюшина», «Дети подземелья», «Дети Советской страны», «Детки в клетке», «Детям о Христе» – без указания фамилии) или – по цветовому признаку («Голубая чашка», «Аленький цветочек», «Алые паруса», «Белый пароход», «Белые одежды», «Белый Бим Черное ухо», «Женщина в белом», «Багровый остров» и др. – опять-таки без указания фамилий). Проступает в этом опять-таки детски-инфантильное, не вполне разумное, но Бенедикт чувствует себя богачом, одаренным сверх меры, и просто счастлив. Жизнь его заполнена интереснейшим историей, извлекаемыми из книг, удивительными рассказами о необыкновенной любви, о прекрасных красавицах, которые никогда не ходят по нужде и не отбеливают лицо сметаной, подобно Оленьке. О том, что за каждой книгой

стоит чья-то погубленная Главным Санитаром жизнь, персонаж не задумывается.

Шоком оказалось, что все, предоставленное в его распоряжение, наконец, прочитано. У Бенедикта чувство, что его обокрали, лишили смысла существования. И тесть, пронизательно разглядев, что зять созрел, подключает того к работе санитаров по изъятию запрещенных книг. И если первым, словно ненамеренным, убийством Бенедикт потрясен, то постепенно втягивается в эту кошмарную работу:

«А была б моя воля, – весь город перетряхнул бы: сдавай книги, тудыть! А тесть не дает, сдерживает: умерься, зять, всех лечить заберем – кто работать будет?» [3, с. 265].

Гуманные моральные принципы, внушаемые классикой, не стали собственными моральными принципами Бенедикта. Так, строку «Пророка» Пушкина (отчасти видоизмененную): «Глаголем жечь сердца людей!» [3, с. 326]. Бенедикт воспринимает как оправдывающую его участие в репрессиях, ибо крюк, каковым цепляют изымаемые старопечатные книги, загнут, как буква «глаголь» (в древнерусской азбуке). То-то Никита Иваныч говорит, что азбуку жизни (понимаемую как азбуку гуманизма) Бенедикт не освоил.

Кудеяр Кудеярыч умело переключает недовольство зятя на Набольшего Мурзу, именно по вине которого в городе будто все не слава Богу, настраивает «совершить революцию», хотя это просто борьба за власть с целью полностью развязать себе руки. Уговаривая Бенедикта, Главный Санитар спекулирует на революционной терминологии:

«– Нам нужен кант в груди и мирное небо над головой, – вспомнил Бенедикт.

– Верно. И чтоб вместе – против тиранов. Согласен?

– А то.

– Разорим гнездо угнетателя, лады?

– Ох, папа, там книг, как снега!» [3, с. 342], –

именно последний довод – наличие в Красном Тереме спецхрана с книгами – оказывается для героя Т. Толстой решающим. Инфантильная дурь в нем, несмотря на чудовищную перемену, не исчезла.

Совершаемая «революция» представлена в романе в комедийном ключе, причем Федор Кузьмич показан как мышь, перебегающая между мебелью, дабы ее не поймали, и все-таки оказавшаяся прихлопнутой. В неявной форме Т. Толстая отсылает к фактам отстранения от власти Хрущева, а позднее Горбачева, вытесненных более пробивными конкурентами, ничего к лучшему менять отнюдь не собиравшимися либо просто не способными к этому.

Показательны первые же указы, сочиняемые Кудеяр Кудеяровичем. Указ Первый гласит:

1. *Начальник теперь буду я.*
2. *Титло мое будет Генеральный Санитар.*
3. *Жить буду в Красном Тереме с удвоенной охраной.*
4. *На сто аршин не подходи, кто подойдет – сразу крюком без разговоров.*

Кудеяров» [3, с. 352–353].

Созвучие словосочетаний «Генеральный Санитар» и «Генеральный Секретарь» отсылает к фигуре Брежнева, с приходом которого к власти хрущевская «оттепель» была свернута, произошло «завинчивание гаек». Впрочем, у Т. Толстой фигура Кудеярова условно-обобщенная, впитывающая в себя и новые реалии и отражающая опасение возрождения в новой оболочке тоталитарных порядков уже в постсоветскую эпоху.

В пародийном виде представлен и Указ Второй – о гражданских свободах. Даже от понимания того, что это такое, пришедшие к власти далеки:

«– Так... Свободы... Тут у меня записано... памятка... не разберу. У тебя глаза помоложе, прочти-ка.

–Э-э-э... Почерк какой корявый... Кто писал-то?

–Кто-кто, я и писал. Из книги списывал. Консультировался, все чтоб по науке. Читай давай.

–Э-э-э... свобода слева... или снова... не разберу...

–Пропусти, дальше давай.

–Свобода... вроде собраний?

–Покажи-ка. Вроде так... Ну да. Значит, чтоб когда соберутся, чтоб свободно было. А то набьется дюжина в одну горницу, накурят, потом голова болит, и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться» [3, с. 355–356].

Бенедикт же, увлеченный чтением доставшихся ему («спецхрановских») книг, постепенно все более отходит от Кудеяра Кудеярыча и членов его семьи, и незаметно его место занимает циничный и наглый перерожденец Терентий, который в силу своей лакейской угодливости сделался в доме необходимым: и к Кудеяру Кудеярычу своей лестью подобрал ключик, и «достанет, и принесет, и посмешит, и форшмак состряпает, и румяна похвалит, и белила.

Увидит Оленьку в калобашках, в сметане и будто в сторону, будто сам себе, не сдержавшись: «Ну до чего ж баба красивая, е-мое!»» [3, с. 304].

Перерожденцев после Взрыва и за людей не считали, так как ходили они на четвереньках и использовались, чтобы на них ездить. Терентий же сумел добиться своей приближенности к самым верхам, но так и остался скотиной с крайне суженным кругозором и эгоистично-потребительскими

пристрастиями. Угадывается в этом персонаже его прототип – Ельцин², добившийся высокого поста путем «перерождения»: сначала сделавший карьеру успешного чиновника-коммуниста, затем переметнувшийся на противоположную позицию, став антикоммунистом, и – в угоду продвигавшим и наставлявшим его американцам – разваливший Советский Союз, доведший до ручки и Россию, ставшую в 1990-е криптоколонией Запада. «Мы же теперь страна ОПЕК» [3, с. 363], – заявляет Терентий, умалчивая, ценой какого ущерба для России получили поддержку Запада в качестве его марионетки.

Несмотря на самодовольство Терентия, испытываемое им упоение самим собой, при изображении данного персонажа Т. Толстая акцентирует его несусветную дурь. Вообще дурь у писательницы – это то, что сближает власть и массы. Однако руководство имеет возможность развернуть ее в самых широких масштабах и навязать остальным. Реализует себя дурь деструктивно, но на официальном уровне превозносится.

Для укрепления захваченной власти и установившихся порядков Кудеяр Кудеярыч и Терентий под фальшивым предлогом стремятся известить оппозиционера Никиту Иваныча, нацеленного как раз на национальное возрождение и тем самым мешающего политике развала России под эгидой ОПЕК. Но подступиться к Главному Истопрнику непросто – он производит огонь внутри себя и при необходимости выдыхает его, разжигая печи федоркузьминцев, позднее кудеяркудеяровцев, то есть использует в помощь людям. Это олицетворенное пламя души человека, пытающегося спасти свой народ. От Бенедикта, каковому Никита Иваныч доверяет, тесть требует связать того, прикрепить веревками к памятнику Пушкину, чтобы затем совершить публичное сожжение крамольника.

«– Не позволю казнить Никиту Иваныча, что такое?!?! – закричал Бенедикт. – Старый друг... ватрушки пек, пушкина вместе долбили, и... это... вообще!!!» [3, с. 364].

Но Генеральный Санитар набрасывается на зятя, начинает его душить и жечь лучами, испускаемыми из глаз. Не выдерживающий Бенедикт в ответ орет:

«– Чего вы вообще?.. Вы вообще... вы... вы... вы – кысь, вот вы кто!!!», – но в ответ слышит:

«– Кысь-то – ты.

– Я-а?!?!?!

² На это указывают характерные для Ельцина речевые обороты типа: «Мы тут, понимаешь, судьбоносные бумаги составляли...» [3, с. 355]. Есть и некоторое отдаленное созвучие имен собственных: Ельцин – Терентий.

– А кто же? Пушкин, что ли? Ты! Ты и есть...» [3, с. 365].

И с опозданием Бенедикт начинает осознавать, что все так и есть. Для обитателей города он стал Кысью, питающейся кровью. Также Кысь (каковая «лишает разума» [3, с. 258]) можно рассматривать как активизацию вырвавшегося из человека наружу разрушительного потенциала коллективного бессознательного, делая его неменяемым, фанатично убежденным, что спасает искусство. Т. Толстая, в сущности, воссоздает не столь уж редкий вариант социального поведения, когда человек творит зло, будучи убежденным, что отстаивает добро. Его сознание в этом случае забито спекулятивной пропагандой (в романе – во многом заимствованной у диссидентов) и диссоциировано разрушительными импульсами бессознательного. Обретший качества Кыси сам себя не узнает: «...глаза кровью налиты, под глазами провалилось, притемнилось личико, кудри притемнились, слиплися, нечесаны, невыты, – голова стала плоская, как ложка...» [3, с. 327].

Опоили его, думает герой, вокруг пальца обвели, а что делать, не знает. И когда Бенедикта начинают шантажировать выбором: книги в Красном Тереме, которых он никогда больше не увидит, или казнь Никиты Иваныча, выбирает последнее, хотя ему и стыдно.

Происходит, однако, непредсказуемое: когда неразумно плеснули бензинчика в костер, бензин потек и в сторону, дотек до стоявших на улице бочек с бензином, приготовленных на экспорт, по нему от костра пробежал огонь, и раздался взрыв невиданной мощи, разворотивший половину города, включая Красный Терем. Плакавшего Бенедикта против его воли отнесла отхлынувшая толпа народа, а «поджигатели» – Терентий и Кудеяр погибли. Копавшие яму другому из-за своего невежества и дури сами в нее попали. Так в иносказательном виде Т. Толстая отражает крушение тоталитарной власти в России, но – какой ценой и с какими разрушительными последствиями. Остается, образно выражаясь, пепелище, и Россию нужно возродить заново.

А Бенедикт помнит, как Никита Иваныч говорил не совсем понятное ему и передаваемое своими словами: «Чаю, говорит, допрежь всего, РИНИСАНСА духовного, ибо без такового любой плод технологической цивилизации обернется в ваших мозолистых ручонках убийственным бумерангом, что, собственно, уже имело место» [3, с. 33], – только в масштабах всей человеческой цивилизации, а теперь Карпов увидел такие плоды собственными глазами. Пребывает он в крайне угнетенном состоянии – и из-за гибели Никиты Иваныча, и из-за того, что книги вместе с Красным Теремом сгорели.

«Пахло гарью. Жизнь была кончена. За спиной у идола сплюнули и пошевелились.

– Подай руку, слезу. Тут высоко, – прохрипел Никита Иваныч» [3, с. 377]. Он у Т. Толстой чудесным образом остается в живых – может быть, из-за «Последствий» приобрел и сопротивление огню, только закоптился.

«– Кончена жизнь, Никита Иваныч, – сказал Бенедикт не своим голосом. Слова отдавались в голове, как в пустом каменном ведре, как в колодце.

– Кончена – начнем другую, – ворчливо отозвался старик» [3, с. 377]. Тут же он вступил в полемику о том, как возродить Россию, будто и не прерывал разговора, с хмуро бродившим по пепелищу Львом Львовичем. Один почвенник, другой западник, но решили они в этот раз не пререкаться, а прямо по Б. Окуджаве, отрешиться и воспарить, что и сделали – поднялись в небо. И на вопрос Бенедикта: «– Так вы не умерли, что ли? А?.. Или умерли?.. – отвечают:

– А понимай как знаешь!..» [3, с. 379].

Следовательно, на что-то опираться можно.

Правда, Т. Толстая не отказывается от юмористических красок и при изображении выживших Прежних – интеллигентов. В шутливопародийном ключе писательница воспроизводит споры Никиты Иваныча и Льва Львовича, обнажая и присущее им при всех благих намерениях – прекраснодушие, у каждого свое. Никита Иваныч, представляющий, как можно понять, либерал-христианскую ветвь почвенничества, не принимая тоталитаризм, нацелен вместе с тем на восстановление «светлого прошлого во всем его объеме» [3, с. 166]. Т. Толстая же, реализуя прием ретротравестики, показывает, что прошлое отнюдь не было светлым, и из традиции, следовательно, нужно отбирать лучшее, а не все подряд, включая отсталость, убогость и всевозможные предрассудки. Лев Львович у Т. Толстой – персонаж диссидентских вкладов, но предлагает России путь копирования Запада, наивно повторяя уже осмеянные И. Ильфом и Е. Петровым слова: «Запад нам поможет!» [3, с. 272], – что Запад и не собирается делать, напротив, настроен на ослабление и расчленение России, в которой видит своего конкурента (страной ОПЕК, то есть криптоколонией, она же побывала); да и сохранится ли он после Третьей мировой войны (в романе представленной как уже совершившаяся), неизвестно (по крайней мере, персонажам произведения). Тем самым Т. Толстая как бы предлагает отказаться от иллюзий, ставку делать на собственные силы, извлекая из пережитого необходимые уроки.

А заключает роман подводящее всему итог стихотворение «Мое смирение лукаво...» Н. Крандиевской-Толстой, отсылающее к «Божественной комедии» Данте и преломляющее готовность выстоять, несмотря ни на что.

О миг безрадостный, безбольный!

Взлетает дух, и нищ, и светел,

И гонит ветер своевольный Вослед
ему остывший пепел
[3, с. 379].

Таким образом, надежду на воскрешение России, но не «лопатной», «деревянной», а просвещенной, высокотехнологизированной, Т. Толстая оставляет, хотя и предупреждает, что без культуры дороги в будущее нет.

Библиографический список

1. Анненский, И. Среди миров / И. Анненский // Чудное мгновенье: Любовная лирика русских поэтов: в 2 кн. – М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1.
2. Современная философия: Словарь и хрестоматия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
3. Толстая, Т. Кысь: роман / Т. Толстая. – М.: Подкова; Иностранка, 2001.